

Басня

Басня — один из древнейших жанров словесного искусства. Наряду с мифом она была одной из первых форм художественного мышления. С ее помощью человек, едва почувствовавший себя человеком, искал ответа на вопрос: как вести себя в этом огромном сложном мире?

Басня отличается краткостью и всегда носит нравоучительный характер, что роднит ее с притчей. В начале или чаще в конце произведения сформулирован вывод, основная поучительная мысль — мораль. Басня всегда носит аллегорический, иносказательный характер; в качестве персонажей в ней выступают животные, растения, птицы, рыбы, вещи. Олицетворение — художественное средство, чаще всего используемое баснописцами. Среди басенных персонажей часто встречаются и люди («Демьянова уха» у Крылова, охотник, кожевник, мясник у Эзопа, скупец у Лессинга, мельник и его сын у Лафонтена), но их образы выступают лишь в качестве символов тех или иных человеческих свойств. В басне обычно отсутствуют метафоры, ее язык прост, безыскусен, близок к разговорному: слова и выражения даются в их прямом, непосредственном значении, что способствует ясности и точности смысла.

Особое место в становлении и развитии жанра принадлежит Древней Греции. Ученые считают, что первая басня, дошедшая до нас, принадлежит Гесиоду (VIII–VII в. до н. э.) — это притча о соловье и ястребе, обращенная к жестоким и несправедливым правителям. Но по преданиям основоположником басни считают легендарного Эзопа, жившего, как предполагают, в VI в. до н. э. В то время басня существовала лишь как вид устного творчества, лишь позднее, около II в. до н. э., были записаны басни Эзопа, составившие большой сборник, предназначенный для учебных целей в риторических школах. Тексты басен снабжены подробными комментариями, которые представляют собой первую попытку создания теории басни в литературе. Вот первое определение басни: «Басня есть вымышленный рассказ, являющий образ истины». В комментариях дается и определение морали басни: «Это сентенция, прибавляемая к басне и разъясняющая содержащийся в ней полезный смысл». Комментаторы не забывают и о стилистике жанра: «Слог должен быть простым и лишь слегка возвышаться над обиходной речью».

Традиции Эзопа были продолжены в творчестве других античных авторов: к басенному жанру обращались Гораций в поэзии, Плутарх в философских трактатах. В I в. н. э. римский поэт Федр переложил басни Эзопа в стихотворную форму и издал их отдельными сборниками. Так родился жанр латинской стихотворной басни. В XVII в. древний жанр был возвеличен французским писателем Лафонтеном, отдавшим дань почтения своим предшественникам и сказавшим в нем новое слово:

Эллада — мать искусств, за это ей хвала.
Из греческих земель и басня к нам пришла.
От басни многие кормились, но едва ли
Они до колоска всю ниву обобрали.
Доныне вымысел — свободная страна.
Не вся захвачена поэтами она.

Захватывая новые области «свободной страны», Лафонтен в отличие от античных авторов, которым сюжет был необходим лишь в качестве иллюстрации к нравоучительной сентенции, пишет развернутые, полные жизни, действий, диалогов остроумные стихотворные повествования. Лафонтен в баснях опирается на народную мудрость, стремится передать взгляд простого человека.

В эпоху Просвещения с ее ярко выраженной гражданственностью басня стала одним из излюбленных жанров. «Ни на одном виде стихотворений я не сосредоточивал своего внимания больше, чем на басне. Мне нравилось пребывать на этой общей меже поэзии и морали», – писал в предисловии к своим басням Лессинг, крупнейший немецкий драматург, теоретик искусства, поэт второй половины XVIII века. Басня под пером Лессинга служила средством борьбы с чуждыми ему социальными и литературными тенденциями, человеческими пороками.

Русская литература обратилась к басне в XVIII веке. Разделив своим учением «о трех штилях» литературу на три стилистические группы, Ломоносов отнес басню к тем жанрам, которые пишутся третьим, «низким» штилем, где употребляются «простонародные низкие слова». Жанр басни утвердил в русской поэзии Сумароков, смело вводивший в свои произведения народные выражения, пословицы. «Склад басни должен быть шутив», – писал Сумароков, обращаясь к сюжетам русских народных анекдотов. Для Сумарокова характерна резкость сатирических красок, страстность обличения ненавистных ему пороков. Видя вокруг себя проворовавшихся чиновников, невежественных дворян, бессовестных торгашей, поэт яростно обличает их («Сатир и гнусные люди», «Лисица и Статуя», «Болван»). Назидательные басни писали Хемницер, Дмитриев.

Высшего своего расцвета басня достигла в творчестве Крылова. Вяземский в «Приписке к статье «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» дал глубокое и точное сравнение двух крупнейших баснописцев: «Дмитриев и Крылов два живописца, два первостатейные мастера двух различных школ... Дмитриев пишет басни свои; Крылов их рассказывает». Басни Крылова глубоко национальны по форме и содержанию. Их персонажи не носят условно-аллегорического характера, а становятся типичными для российской действительности. Сюжет крыловской басни облекается в форму короткой сценки, передающей живость, многообразие живой разговорной речи. Говоря об особенностях басен Крылова, Белинский заметил, что его произведения «не просто басни: это повесть, комедия, юмористический очерк, злая сатира, словом, что хотите, только не просто басня». Творчество Крылова-баснописца — важнейший шаг русской литературы по пути становления реализма и народности. Басни Крылова охватывают широчайший круг тем, продиктованных самой жизнью России, современной автору. На реформы в управленческом аппарате он откликается знаменитым «Квартетом», на усиление аракчеевщины — басней «Рыбья пляска». В басне «Воспитание Льва» современники увидели намек на самого царя Александра I. Особое место в творчестве Крылова занимают басни, написанные во время Отечественной войны 1812 года: «Кот и Повар», «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и Курица». В них воплотились патристический дух народа, мысли и чувства самого автора в час грозных испытаний. Воплощая нравственные идеалы благородства, трудолюбия, бескорыстия, справедливости, Крылов едко высмеивает лень, тщеславие, трусость, глупость. Но Крылов не только моралист. Его басни — злая сатира на сильных мира сего. «У сильного всегда бессильный виноват...» — горько констатирует баснописец в «Волке и Ягненке», раскрывая безнравственную, бесчеловечную сущность деспотизма, произвола, самодурства. В языковых средствах, образах Крылов идет от фольклора, но при этом благодаря своей афористической точности, меткости, простоте многие строки его басен органично вошли в разговорную русскую речь, стали пословицами и поговорками, зажили своей отдельной жизнью в национальном языке: «А Васька слушает да ест», «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь», «А Ларчик просто открывался», «Слона-то я и не приметил».

Достигнув столь блестящего расцвета в творчестве Крылова, басня более чем на столетие почти исчезла из русской литературы. Сатирики 1860-х предпринимали попытки к возрождению басни, но серьезных успехов в этом жанре не достигли. В советское время басня была представлена в творчестве Демьяна Бедного, обратившегося к политической,

агитационной басне, особенно актуально звучавшей в годы гражданской войны. Басенные традиции продолжили С. Михалков, С. Олейник.